Эдуард Плюсков

Шесть месяцев

Эдуард Плюсков

Шесть месяцев

«Автор»

2026

Плюсков Э.

Шесть месяцев / Э. Плюсков — «Автор», 2026

Шесть месяцев — история человека, который оказывается один на один с морем, судьбой и самим собой.Работа на промысловом судне — это не только тяжёлый труд, штормы и бесконечные вахты. Это жизнь вдали от дома, где шесть месяцев могут изменить человека сильнее, чем годы на берегу.Герой проходит через испытания, встречи, опасности и неожиданные повороты судьбы. Здесь нет выдуманного героизма — только люди, море и события, которые запоминаются на всю жизнь.Это рассказ человека, который сам прошёл этот путь и теперь вспоминает то, что осталось с ним навсегда.

© Плюсков Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 5
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Шесть месяцев

Глава

Шесть месяцев

Повесть о рыбаках Советского Союза
Австралия

Голд-Кост

2026

Аннотация
Шесть месяцев в море — это не просто работа. Это жизнь по другим законам.

Молодой моряк отправляется в дальний рейс на океанском рыболовном траулере советского рыболовного флота. Впереди — бескрайний океан, тяжелый труд, опасные промысловые операции, шторма и долгие месяцы вдали от дома. Но самые сложные испытания ждут не только за бортом — они возникают среди людей, которые вынуждены жить и работать бок о бок в замкнутом пространстве большого судна.

Основанная на личном опыте автора, повесть «Шесть месяцев» открывает малоизвестный мир советского рыболовного флота — мир, где тысячи моряков проводили месяцы в океане, добывая рыбу далеко от родных берегов. Это история о профессии, требующей мужества и выдержки, о дружбе и конфликтах, об одиночестве, тоске по дому и о характере человека, который каждый день проходит испытание морем.

Это честный рассказ о людях, для которых океан был не просто местом работы, а частью жизни.

Об авторе

Это первая повесть начинающего автора.

Повесть о рыбаках Советского Союза.

Автор тринадцать лет работал помощником капитана на рыболовных траулерах.

Проба пера уже состоялась: были написаны несколько рассказов и более сотни стихотворений.

От автора

Я посвящаю эти строки труженикам моря — советским рыбакам.

Повесть основана на реальных событиях. В некоторых из них я принимал непосредственное участие.

Память — это якорь, без которого нас унесёт время.

Жизнь, как вихрь, пронеслась на морях,
По портам и причалам — скиталец планеты.

Мой багаж — это думы о прожитых днях,
Утонувшие звёзды в ушедших рассветах.

Глава 1

Начало

Кухня была тесная — из тех, где кажется, что воздух достаётся всем по очереди. Стоило неловко повернуться — и локтем заденешь шкаф или смахнёшь кружку со стола.

Стол стоял в углу между холодильником и окном. За ним могла уместиться вся семья из пяти человек, но сидели вплотную, коленями упираясь друг в друга.

Занавеска с кленовыми листьями старалась удержать осенний свет, но он всё равно просачивался — медленно, настойчиво, — и от него всё выглядело чуть живее: плитка на стене, светло-коричневый линолеум, белый подоконник, покрашенный этим летом, даже банка с чайным грибом на холодильнике, как молчаливый свидетель наших будней.

Пахло жареной картошкой и табаком. Я уже успел закурить и сидел за столом, постукивая пальцами по клеёнке. Жена хлопотала у плиты.

Ей было девятнадцать. Она двигалась быстро и легко — перемешала картошку, поправила кружки, проверила чайник. Успевала и готовить, и слушать меня, и краем глаза следить за дверью в коридор — не проснулись ли родители.

Я хмурился больше для вида. Внутри всё было иначе. Новость со вчерашнего дня жгла язык. Хотелось сказать сразу, но я тянул момент, будто от этого он становился значительнее.

— Ты что такой молчаливый? — спросила она, не оборачиваясь. — Сидишь с утра и куришь.

Я усмехнулся, затушил окурок в блюдце.

— Назначение получил. В рейс иду.

Она замерла. Всего на секунду, но я заметил.

— На сколько?

— Длинный. Полгода. Судно называется — «Пассат». Второй рейс в должности штурмана. Теперь третий помощник капитана. Вчера сообщили о повышении.

Я сказал это спокойно, но внутри расправлялись крылья. Для меня это было больше, чем просто рейс.

Она села рядом. Нахмурилась чуть-чуть — без слёз, без упрёков. Просто принимала. Понимала, что море — это не работа, а судьба. А значит, и её судьба тоже.

— «Пассат»… красивое название, — тихо сказала она. — Но шесть месяцев — это долго…

Я накрыл её пальцы своей ладонью. Хотел сказать что-то твёрдое, уверенное. Про то, что время пролетит. Про то, что всё будет хорошо. Про то, что это шаг вперёд.

Но за дверью послышалось шарканье тапочек.

Голос тёщи — недовольный, ещё сонный — прорезал кухню:

— Опять дым коромыслом! Здоровье портишь и себе, и людям!

Я сжал губы. Промолчал.

Жена осторожно убрала свою руку из-под моей — как будто извиняясь за мать.

Через минуту появился тесть. В майке, аккуратно выбритый, пахнущий «Шипром». Он всегда вставал раньше всех и грел воду для бритья, хотя из крана текла горячая. Военная привычка — такие не уходят.

Он посмотрел на нас и улыбнулся:

— Ну что, ребята, опять в рейс? Держись, зять. Рыбацкая доля нелегка. Море суровое, но справедливое.

Он хлопнул меня по плечу и ушёл.

А на кухне всё равно оставалось утро — тесное, шумное, пахнущее счастьем и жареной картошкой. И в этом утре было что-то новое — начало нашей общей жизни.

Когда тёща вернулась на кухню, она была уже при параде. Брючный костюм подчёркивал её сохранившуюся фигуру.

Тесть уже в рубашке протиснулся и сел рядом. Это был их второй брак. Он работал бухгалтером, но прошёл всю войну и служил в каком-то спецподразделении. Подробностей мы не знали.

Он потянулся к хлебу и творогу. Любил странное сочетание — масло, сыр и сверху варенье.

С того дня, как мы познакомились, он ни разу не вмешался в нашу жизнь. Не поучал. Только сглаживал углы, когда тёща слишком увлекалась.

— Что за разговоры с утра? — спросил он. — День хороший, а у вас лица как перед грозой.

Жена посмотрела на меня. Я понял — пора.

— В рейс ухожу. На шесть месяцев. Судно называется «Пассат».

Он кивнул:

— Вот это дело. Кем идёшь?

— Третий помощник капитана!

— Молодец, в двадцать один уже третий помощник. Растёшь. Море мужиков делает.

— И ломает, — тихо вставила тёща. — Полгода дома не будет. Дочка одна.

— Мам, я знала, за кого выхожу, — спокойно сказала жена.

Тесть посмотрел на меня внимательно, почти строго.

— Главное — вернись. Остальное приложится. Мы тут присмотрим.

Я кивнул.

Между ворчанием тёщи и молчаливой поддержкой тестя было то, за что можно держаться.

Ложки звенели о чашки. На столе стояли хлеб, сыр, докторская колбаса и сковорода жареной картошки. За окном начинался новый день.

Было тесно. Слова родителей иногда задевали. Но впереди у нас было больше, чем позади.

Утро нового дня было в разгаре.

Проводы в Таптуне

Тот вечер навсегда врезался у нас в памяти, будто фотография, слегка выцветшая, но оттого ещё более дорогая.

То был прощальный ужин. В нашей семье, да и не только у нас, перед каждым рейсом в море, перед первым шагом в долгую дорогу, полную неизвестности, мы ходили поужинать в ресторан.

Вот и тогда мы выбрали место, куда часто заходили моряки: шумное, оживлённое, но по-своему домашнее. Моряки в народе называли его «Таптун», наверное, из-за большого танцевального зала со столиками по кругу.

Официант проводил нас к столу. Зал уже жил своей особенной жизнью. На сцене играл ВИА — видно было, что музыканты уже слегка отметились в буфете перед выступлением. Гитарист то и дело косился на клавишника, басист улыбался в зал, а солист, вытянув шею и гну-

саво-протяжно выдавливая слова, выводил козлиным тоном: «Где ты, мне теперь всё равно…», будто нарочно дразнил публику.

Но именно эта небрежность и была частью очарования: зал пел вместе с ними, пары кружились в медленном ритме осеннего вечера.

За длинным столом, покрытым белой скатертью с пятнами от пролитого вина, расположился экипаж. Моряки, часто по возвращении в родную гавань, отмечали приход вместе, особенно те, у кого не было здесь дома или семьи.

Многие были одеты в форму. Их эполеты блистали в свете огней ресторана. Они гуляли шумно, со вкусом, а иногда и со скандалом: разливали водку, чокались, вспоминали рейсы, спорили о рыбалке. Вспоминали старые времена и капитанов — их имена добрыми и не очень добрыми словами, ведь от умения капитана ловить рыбу зависел их заработок.

Временами кто-то подходил к музыкантам, заказывал песню, и зал вставал танцевать. Официанты метались меж столиков с подносами, стараясь успеть за ритмом вечера. Их белые рубашки уже порядком смялись, а лица блестели от пота.

Меню было скромным: свиные отбивные, котлеты «по-киевски», иногда шашлык. На десерт — мороженое, кофе и сладкое. Но главное — атмосфера шумного братства, где все свои, ценившаяся куда больше изысков.

В тот вечер мы сели в центре зала. Со мной была жена и её родители. Она — рядом, нежная и чуть напряжённая, очень красивая в бронзовом комбинезоне с разрезом на спине. Мы всё время искали взглядом друг друга, словно хотели запомнить каждую черту лица перед разлукой.

Тёща молчала больше обычного, а тесть держался прямо, гордо. Его седина, строгий костюм и прямая осанка выделяли его среди всех. Человек войны, прошедший фронт и специальное подразделение, он и в шестьдесят выглядел так, будто может командовать полком.

Я чувствовал, как вечер складывается во что-то символическое. Смех моряков, музыка, официанты, снующие меж столов, лёгкий запах табачного дыма и духов — всё это создавало праздничное настроение.

Где-то во второй половине вечера, когда мы все уже были расслаблены и веселы, к нашему столику подошёл человек, который сразу выделялся — явно не моряк, с непонятным видом, лет тридцати, в мятой рубашке, с мутным взглядом и тяжёлой походкой.

Он прошёл, будто хозяин, расставив плечи, и остановился у столика. Его взгляд упал на мою жену.

— Девушка, — прохрипел прокуренным голосом, — пойдём потанцуем?

Жена вздрогнула и твёрдо отказала. В груди у меня что-то щёлкнуло.

— Вон! — сказал я, стараясь говорить ровно. — В зале полно дам: одиноких, весёлых, целая «16-я дивизия», так мы называли девушек для моряков. Выбирай любую. Но здесь семья. Так что — отвали!

Он ухмыльнулся, губы растянулись в кривую улыбку.

— А давай выйдем? — прогнусавил он. — Разберёмся.

Кровь ударила мне в голову, и сердце забилось ещё быстрее.

— А давай, — согласился я и встал из-за стола, скомкав салфетку и бросив её на стул. Слова в тот момент значили многое. Я согласился не потому, что хотел драться, а потому, что нельзя было дать треснуть этому хрупкому ощущению семьи и достоинства.

На меня смотрела моя молодая жена, её семья. Я не мог отступить, не имел такого права.

Мы пошли к выходу. Музыка разливалась по залу, соло саксофона с мелодией «Осенняя грусть» не могло усмирить всеобщего веселья. Зал смеялся и пил, дамы кружились с моряками, официанты сновали меж столов. Всё это продолжалось будто в другом измерении, а мы шагали

к дверям, и кровь барабанила мне в уши. За мной поднялся тесть. Он не сказал ни слова, но тихо пристроился за нами.

Мы вышли на площадку. Прохладный вечер освежил жар моего лица, и я попытался сконцентрироваться, делая шаг под арку.

Мужик сделал шаг за мной… и в тот же миг оказался на земле. Я успел увидеть краем глаза его падение — и всё. В одну секунду он стоял, а в следующую уже лежал, раскинув руки, без движения.

Рядом стоял тесть — спокойный, будто ничего не произошло. Он склонился над мужиком, разжал пальцы на его правой руке и вытащил из ладони расчёску. Она оказалась с секретом: в основании был вырезан паз, и там была вставлена заострённая вязальная спица. И она была предназначена для меня.

— Пошли, — сказал он ровно, и мы вернулись в зал, как ни в чём не бывало.

Ресторан встретил нас шумом: моряки чокались, дамы смеялись, солист вытягивал очередной хит года. Жена смотрела на меня широко раскрытыми глазами. Я пожал плечами, скрывая, как стучит сердце. Всё продолжилось, как будто и не было той сцены.

Но я понял: за спиной у меня стоит сила поколения, прошедшего сквозь войну, и что мне тоже было бы неплохо научиться быть таким — стойким, непоколебимым, готовым встать на защиту. Тот взгляд тестя, твёрдый и спокойный, я помню до сих пор.

Отход

На следующее утро я сложил документы в старый потёртый дипломат — купленный ещё курсантом на деньги после первой практики — и, кутаясь в плащ, поспешил в сторону порта.

Осенний дождь шёл мелко, ровно, будто кто-то встряхивал с небес сито, и от этого казалось, что весь город обернулся в серую марлю. Голова ещё гудела после вчерашних посиделок, но свежий воздух быстро делал своё дело: холодные капли били в лицо, сбивали остатки вялости, и через десять минут шаг мой стал увереннее и бодрее.

Я любил эти утренние походы на работу. В них было что-то такое, что напоминало прогулку босиком по чисто вымытому полу, ещё не совсем высохшему, когда подошвы ног приятно ощущают прохладу и чистоту — почти ритуал.

Город просыпался. Сероватое небо понемногу светлело, фонари ещё горели, отражаясь в лужах на мокром асфальте. Порывы ветра шевелили жёлтые листья, налипшие на тротуар, и те, словно усталые птицы, еле держались, потом срывались и плыли вниз по стокам.

В этих первых утренних минутах у меня всегда жила тень грусти — по ушедшему лету, по запаху сосновых веток на косе, где море дышит пряным йодом и смолой. Но я знал: впереди ещё будет не одно лето и, возможно, даже лучшее. Всё — впереди, всё ещё только начинается.

Постепенно показались портовые строения. Длинные «шеи» портальных кранов поднимались в небо, словно исполинские птицы, застывшие в ожидании добычи.

За ними — горы соли, корпуса цехов, а дальше, где клубился пар, — здание консервного завода. Ветер принёс знакомый, неповторимый аромат — смесь томата, приправ, мазута и рыбы.

Вспоминая этот запах Атлантики, привезённый траулерами, и крики чаек, сердце сжимается, тоска — добрая, тёплая — наполняет душу. Так пахла моя юность.

Так пахли надежды, первый рейс, друзья, которых потом разметало по всему миру, адреса которых я не сохранил.

У дверей отдела кадров, как всегда, толпился народ. Курили, смеялись, спорили. Люди со всех концов страны — из Молдавии, Белоруссии, Украины, встречались и азербайджанцы — каждый со своей судьбой и мечтой.

Я протиснулся внутрь. За столом сидела здоровенная кадровичка в обтягивающем джинсовом костюме «Монтана» с жёлтыми металлическими пуговицами и нашивкой на груди. Она взглянула на меня усталым, равнодушным взглядом, как будто видела сотни таких, как я, каждый день, и, не меняя выражения лица, сказала:

— А, это ты, новый третий на «Пассат»… В службу мореплавания иди. Капитан там сегодня будет, познакомишься. А тёще с женой привет передавай…

И протянула бумажку назначения. Позже я узнал, что она действительно когда-то была соседкой моей тёщи.

В службе мореплавания стояла рабочая суета: звонки телефонов, шаги, разговоры, постоянные визитёры. Среди мелькания золотых эполет я немного стушевался, но всё же подошёл к столу инспектора.

Тот поднял глаза, взял бумажку и, не глядя, буркнул:

— Бери лист, пиши заявление на материальную помощь. Полтинник дадут. Двадцатку мне принесёшь, а остальное — твоё.

Я растерялся. Какая ещё помощь? Но, оказывается, государство и правда заботилось о молодых специалистах — по-своему, конечно.

Деньги я получил быстро, а когда вернулся и протянул инспектору его долю, тот, не глядя, сунул червонцы в нагрудный карман и махнул рукой:

— Давай, шевелись. На двадцатый причал — траулер твой там, ждёт уже. Капитан звонил, спрашивал, где мой «третий».

Шагая вдоль причалов с дипломатом в руке, я представлял себе встречу с капитаном, приём дел, каюту, свой первый вахтенный день. В голове крутились вопросы и планы, а внутри медленно поднималось ощущение: сейчас всё начинается по-настоящему.

Впереди был рейс, море, работа, а где-то дальше — мой дом, наш с женой дом в кооперативе, лет через пять, когда очередь дойдёт. Мечта, скромная, но живая, грела лучше любого свитера.

На причале

У двадцатого причала стоял мой траулер.

Обычный БМРТ, рабочая лошадка, со свежей краской по ватерлинии — будто старый моряк, побрившись перед приходом, он всё ещё выглядел крепким. Над ним, скрипя, гнулся клюв крана, опуская на палубу тяжёлые тралы. На причале валялись бочки с маслом, катушки ваеров, мешки, тара для рыбы. Всё вокруг дышало морем, трудом и ожиданием.

В воздухе стоял густой дух соли, мазута и чего-то ещё — неуловимого, того самого, что знают только те, кто жил морем.

Я подгадал момент, когда кран завис над палубой, взбежал по трапу и сходу нос к носу столкнулся с капитаном, он стоял у будки, разговаривая с вахтенным матросом.

Невысокий, плотный, аккуратный, в новом кителе — из тех, кто не терпит бардака. Короткая шея, круглое лицо, резкие движения. Словно человек, которому в сутках не хватает пары часов, и он злится на весь свет за это.

— Кто такой? — бросил он, не глядя.

— Из конторы, на приёмку, третий штурман, — кивнул я.

Не подал руки и не улыбнулся. Говорил быстро, властно, будто всё вокруг — не люди, а винты и гайки. Вахтенный стоял рядом, молча кивал.

— Я в контору. Принимай дела. Отход послезавтра утром.

Не оглядываясь, капитан сбежал вниз по трапу, как человек, который уже мыслями в другом месте.

Я проводил его взглядом и подумал: «Посмотрим, какой ты рыбак…»

Я вошёл вовнутрь, узкий длинный коридор встретил меня неярким жёлтым светом, и я ощутил вибрацию палубы под ногами. Из камбуза тянуло свежим борщом и гарью от плиты.

Прошли многие годы, мысленно возвращаясь в те времена, я вспоминаю: суда на отходе, траулеры у стенки, пахнущие морем и временем. «Старики», ржавые и уставшие, пришедшие в порт после тяжёлых месяцев промысла. У всех один и тот же дух — железо, рыба, соль и человек. У всех один и тот же конец.

Поднялся на верхнюю палубу. На мостике стоял парень с вахтенной повязкой на рукаве.

— Сергей, — представился он. — Астраханская мореходка. Третий рейс, дальше пойду на повышение вторым помощником.

Он достал мягкую пачку Marlboro и протянул мне.

— Совиспань, Лас-Пальмас, — улыбнулся, откинув прядь волос со лба.

Мы закурили. Дым повис сизым облаком, в нём чувствовался привкус чужих портов, дальних рейсов, запах мыла «Люкс» на Канарах, усталой свободы и тяжёлого похмелья наутро после захода в порт.

Покурили, и пошла приёмка дел. Проверили шлюпки, пиротехнику, пеленгаторы, приборы — всё на месте. Внизу грохотал дизель, механики метались по трапам, перекрикиваясь. У машинного отделения береговые с БТО (база технического обслуживания) жестикулировали, спорили, стараясь перекричать гул. Работа кипела, подготовка к рейсу шла полным ходом.

Сергей снял повязку и протянул мне.

— Всё. Теперь ты виноват, — сказал он с усмешкой, но в глазах мелькнуло что-то серьёзное.

Я надел повязку. Она была потрёпана, грязновата.

Сейчас, когда я пишу эти строки, вспомнился совсем другой день, годы спустя: огромный балкер, кабинет капитана, солнце в иллюминаторе, стол с аккуратными стопками документов. Антон Штоков, мой коллега и человек с тяжёлым взглядом, выдвинул ящик стола, достал новенькие капитанские эполеты, положил на мои плечи.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь ты капитан. Как говорил мой старик: капитан всегда виноват.

Я тогда улыбнулся, не понимая. Сейчас понимаю: виноват не тот, кто ошибся, а тот, кто отвечает.

В кают-компании гремела посуда, народ ел, спорил, смеялся. Сергей представил меня:

— Новый штурман.

Кто-то махнул ложкой, кто-то кивнул. Я сел. Под ногами задрожала палуба, лёгкий гул прокатился по корпусу, и мне показалось, что моё сердце забилось вместе с главным двигателем. Море нас звало вперёд. И я понял: началось.

Пока мы обедали, появился капитан — зашёл в кают-компанию вместе со старпомом. Молча сел во главе стола. Буфетчица сразу подскочила, принесла ему тарелку второго, но он махнул рукой — мол, не надо. Повернув голову в нашу сторону, спросил:

— Дела принял?

— Да, всё хорошо, — опередил меня Сергей.

Капитан одобрительно кивнул, выпил залпом стакан компота и сказал уже мне:

— Четвёртый штурман час назад сломал ногу. В рейс не пойдёт. Возьми у старпома его адрес, заскочи к нему домой и забери документы для оформления отхода.

Я молча кивнул. Мы встали из-за стола.

После пяти я попрощался с Сергеем и поехал за документами. Он остался на вахте вместо меня, последней перед уходом в отпуск. До отхода оставалось чуть больше суток.

На улице стоял тот самый портовый вечер, сизый, дышащий осенью. Автобус подошёл быстро — белый «Икарус-гармошка» № 8 с облупленной краской и шершавыми поручнями. Внутри гудел мотор, за окнами медленно проплывали склады, мачты, крановые стрелы. Народ ехал молча — кто с сумками, кто в робах после смены.

Я сидел у окна и смотрел, как портовое царство постепенно сменяется жилыми кварталами, бараками и старыми домами. Кое-где уже стояли хрущёвки, бельё развешано на балконах, мокрые клумбы под дождём.

Адрес, что дал старпом, оказался на окраине. Я вышел у остановки, ступил на сырой асфальт, немного прошёл пешком — таблички на стенах еле читались в тусклом свете фонарей. Пришлось спросить у женщины с коляской — она махнула рукой:

— Дальше по улице, через двор, серая пятиэтажка.

Нужный подъезд нашёл сразу. На двери квартиры, обитой красным дерматином, висел номерок-восьмёрка, сияя эмалированными боками.

Позвонил. Открыла молодая девушка — светлые волосы, усталое лицо. Без слов поняла, зачем я пришёл. Через минуту вынесла дипломат — целую кипу бумаг: дипломы, медкнижки, судовые роли.

— Всё тут, — сказала тихо. — Муж в гипсе, спит.

Я поблагодарил, взял дипломат и пошёл обратно. Ночь уже опускалась на город, в окнах горели огни. Со всем этим добром я впервые за день почувствовал усталость.

На следующий день я должен был вместе со старпомом взять отход в три часа дня. Утром я договорился с женой пообедать в припортовом кафе, название которого было «Море», но рыбаки называли его — «Ржавая вилка».

Кто так его назвал — история умалчивает, но из рассказов старых рыбаков я слышал, что народ там гулял как надо и до рейса, и после, а отдел кадров, если была такая нужда, набирал членов экипажа прямо там. У них был специально обученный человек, который заглядывал вечером в этот ресторан, намечал жертву.

На следующее утро моряк открывал глаза после пьянки, вместо дома видел переборки кубрика и слышал сочный мат боцмана.

Была даже история, когда на борт СРТ загребли батюшку, хотя, возможно, это и рыбацкие байки.

Говорят, что, отработав рейс, он получил расчёт у кассы и к службе в церкви больше не вернулся.

Мы сели у окна, заказали комплексный обед. Сначала говорили спокойно — о пустяках, потом жена вспомнила про мои «вечные плавания» и то, что я всё время живу «там, а не здесь».

Слово за слово — и разговор пошёл наперекосяк. Я устал оправдываться, она — слушать. Вышли из кафе молча. Сели на лавочку, покурили.

Я сказал, что пойду в управление портом, там встреча со старпомом, будем отход брать. Встали и пошли к остановке.

Потом подошёл автобус, жена вскочила на подножку, а я поспешил в порт и только через двадцать минут, уже у проходной, понял, что дипломат остался там, на лавке.

Проклял всё и себя за рассеянность. Побежал обратно, лавка была пуста. Ходил кругами, заглядывал под кусты, спрашивал у прохожих — никто ничего не видел. Пропажа была серьёзная, без документов судно не выпустят.

Взяв такси, помчался в редакцию местной газеты, написал объявление и уговорил редакцию разместить его в вечернем выпуске: «Потерян дипломат с документами. Просьба вернуть за вознаграждение».

Всю ночь ворочался, слушал, как где-то гудят суда в порту — может, и наше уже бы ушло, если бы не я.

На следующее утро позвонили. Мужской голос сказал:

— Чемодан ждёт тебя там, где ты его оставил. Приходи, только не с пустыми руками.

Человек пришёл в назначенное время. Я даже не торговался. Принёс сто рублей — почти половину месячного жалованья.

Он сидел на той же лавочке в тёмной куртке, с сигаретой, протянул дипломат, будто ничего особенного. Я открыл — всё на месте. Поблагодарил, сунул деньги и побежал в порт.

Но было поздно. Судно стояло у стенки, готовое, но без отметки — нас задержали на двенадцать часов.

Капитан, встретив меня в тесном проходе, хмуро посмотрел и сказал:

— Вот тебе и новая должность, с почином, штурман, с почином.

Я кивнул, не стал оправдываться. Виноват. Ожидал списания с судна, но, к счастью, не случилось.

Выход в море

Домой я уже не вернулся. Капитан запретил сход на берег. Отход мы взяли и ждали властей. Дождь прекратился, но с моря тянуло холодом, задувало сильно. Судно стояло у стенки, освещённое и готовое к отходу. Сквозь полутьму угадывались силуэты матросов, которые всё ещё суетились на траловой палубе.

В каюте был полный порядок. Сергей постарался. На столе — кружка с недопитым чаем, часы на переборке отсчитывали последние минуты до отхода. Судно тихо гудело, как живое. Где-то внизу, в машинном отделении, главный двигатель ожидал своей минуты, чтобы застучать и не останавливаться долгих шесть месяцев.

Я сел на койку, снял обувь, закурил сигарету и долго смотрел в одну точку. Мыслей никаких не было, просто усталость и горечь табака в горле.

Огни судов, стоящих на якорях на рейде, огни порта и фарватера, а также входной маяк создавали ночную романтическую атмосферу. Тогда, в мои двадцать два, мне казалось: вот он — путь к приключениям и познанию мира.

В двадцать часов я заступил на морскую вахту. Ближе к полуночи на мостик зашёл старпом, усталый, в мокром бушлате, от него пахло спиртным. Он вытащил из кармана пачку «Космоса», закурил и выдавил:

— Самонайт, Дон этого тебе не простит — готовься к весёлой жизни на полгода.

Я не понял, кто такой Дон и что такое «самонайт». Позже меня просветили: Дон, или Дон Жуан, — капитан, у него в каждом рейсе новая боевая подруга; а «самонайт» — сокращённо «сам понимаешь», кличка старпома.

— Ну что, всё наладилось? — спросил он, усмехнувшись.

Ответить мне было нечего, и я молча закурил.

Свинцовые тучи накрыли акваторию порта, порывы ветра достигали десяти метров в секунду. Волны били в борт, и траулер ёрзал вдоль причала, перетирая концы. Мы с вахтенным матросом завели пару дополнительных шпрингов и два продольных — с носа и кормы — в ожидании ухудшения погоды.

Отходная комиссия была назначена на полночь, но задерживалась, и весь экипаж был на взводе, никто не спал. И где-то в глубине, за всей этой суетой, я вдруг почувствовал то самое предвкушение — сладостную тревогу, мелкую дрожь перед стартом, которая всегда появлялась в душе перед выходом в море.

Ощущение и ожидание чего-то необычного, того, что ещё не было испытано и оценено, того, что вот-вот произойдёт.

Я стоял на мостике, курил и вглядывался в темноту ночи, где сверкали огнями суда, стоящие у причала. Капли дождя на стекле, как мелкие бриллианты, отражались в этом свете, а ветер пел свою осеннюю песню в судовых стрелах и ваерах портовых кранов.

Вспомнил, что не попрощался с женой по-человечески, и сильно пожалел, что не смог ей сказать, как люблю, как хотелось целовать её руки, вдыхать аромат тела и запах волос.

Звонок на мостик заглушил мои мысли. Вахта у трапа сообщила, что на борт поднимается комиссия. Все, кроме вахты, разошлись по каютам. Граница была закрыта, начался рутинный обход каждого члена экипажа с проверкой паспорта и удостоверения личности. Таможенники шныряли по каютам, пытаясь найти контрабанду, но, кроме двух бутылок водки, которые разрешалось вывезти, у меня ничего не было.

Они закончили свою работу в три утра. Вскоре подошли буксиры, а лоцман поднялся по парадному трапу. Я по расписанию был на мосту. Всё было готово к отходу. По команде лоцмана буксиры закрепились на баке и корме. Один за другим полетели швартовы, и вот наш траулер после двух месяцев у стенки снова был свободен.

На причале никого, только одинокая фигура женщины крикнула вахтенному у трапа:

— Васю, Васю, позовите!

Но часовой сержант махнул на неё рукой, и она заспешила к ближайшей двери портового холодильника. В любом случае Вася — моторист — не мог выскочить, он сидел в машине. Похоже, эта женщина дежурила в эту ночь, поэтому смогла оказаться на причале.

Медленно корпус судна начал отдаляться от стенки. После чего прозвучала команда: «Малый вперёд», и я, как во сне, надавил на рукоятку ВРШ.

Переход на промысел

Утро началось не с будильника, а с гула в голове. Хотя экипаж почти не спал всю ночь, камбуз работал в обычном режиме. Запах свежеиспечённого хлеба вентиляция разносила по всему траулеру.

В каюте было темно, только полоска света пробивалась сквозь иллюминатор. Я встал, натянул свитер и постоял минуту, чтобы вспомнить, где я. После ухода лоцмана мне удалось немного поспать — и вот, пора на вахту.

Я спустился к завтраку в кают-компанию. В коридоре пахло дизелем и кашей. Буфетчица Жанна, в кокошнике и белом переднике, красивая, статная, около тридцати лет, с большой грудью и копной русых волос, смеялась, разговаривая с коком. Тот, маленький лысый молдованин, бросал взгляд то на неё, то на котёл с кашей, лицо его было круглым, сытым и хитрым. Он смотрел на неё с обожанием…

Я прошёл мимо и поднялся на палубу мостика, шагнул в дверь ровно в восемь утра. Капитан, старпом и новый четвёртый дружно повернулись в мою сторону.

— Ещё раз опоздаешь на вахту — получишь выговор с занесением, — буркнул Дон в ответ на моё «доброе утро».

Я промолчал. Судно держало курс на Борнхольм, а далее в Атлантику через Дрогден и Скагеррак. Двенадцать узлов — не густо по современным меркам, но для «Бармалея», да ещё после дока, — хорошая скорость.

Капитан стоял на мостике, опершись на локатор, с сигаретой в зубах. Лицо неподвижное, глаза прищуренные, молчал. Время от времени бросал взгляд на удаляющийся берег, где виднелись белые облака над горизонтом и полоска земли.

— Позови радиста, — сказал он мне.

Тот явился без опозданий. Капитан покатал окурок во рту и протянул:

— Как связь?

И, не дождавшись ответа, сказал:

— Пошли им в следующий сеанс: лоцмана сдали в 05:00, идём на промысел ЦВА, приход 30 ноября. Записал?

— Да, Пранас Пятрович, — слегка прогнулся радист и исчез в дверях.

Никакого акцента, подумал я про Дона.

Невысокое осеннее солнце иногда проглядывало сквозь серые тучи, пытаясь осчастливить всех нас. Траулер бодро рассекал встречную волну. Берег за кормой таял, превращаясь в полоску, а потом — в дымку. Капитан снова прикурил от зажигалки.

— Ну вот, третий, теперь пошло твоё море… — и ушёл к себе через навигационную рубку.

Я ничего не ответил. Только смотрел вперёд — туда, где за горизонтом начиналась работа, одиночество и то самое странное чувство, ради которого мы всегда возвращаемся в моря.

Глава 2

Дрогдан

Резкий звонок телефона прервал мой сон. Машинально взглянул на часы — 6:30 утра. Прокуренный голос Саманайта прохрипел:

— Шилом на мостик. Капитан зовёт.

Я вскочил, кое-как запрыгнул в штаны, оперевшись на переборку, натянул майку и, не умывшись, метнулся к двери каюты.

Когда заскочил на мостик, не сразу понял, что происходит. Дон с красным лицом и мокрыми подмышками пытался что-то выкрикнуть по УКВ, а старпом, ухватившись за стойку локатора, ржал в усы, которые у него росли, как у легендарного рубаки Будённого.

Повернув ко мне испуганное лицо, Дон сунул трубку и сказал:

— Поговори сам, не пойму, что они там лопочут.

Лоцманская станция Дрогдан просила уточнить время подхода и приготовить лоцманский трап с подветренной стороны — два метра от воды.

Я всё понял и перевёл капитану, хотя английский в мореходке учил кое-как: экзамен сдал — и ладно.

Дон облегчённо вздохнул, и краска спала с его лица. Думаю, то была краска не только волнения, но и стыда — за себя в первую очередь. Да и за мостик: как выяснилось позже, только я один мог что-то понять и договориться. Но это — впереди.

К левому борту подошёл аккуратный, словно игрушечный, быстроходный катер. Лоцман уверенно поднялся на шлюпочную палубу, где я встретил его в окружении матросов и пары зевак с фотоаппаратами.

Высокий, статный мужчина лет сорока весело поздоровался, и мы прошли в носовую рубку.

Поздоровавшись с капитаном и положив рюкзак на столик маневренного планшета, он подал первую команду. Пока подходили к первой паре буёв, подоспело время завтрака.

Капитан позвонил на камбуз и с несвойственной ему любезностью промурлыкал в трубку:

— Жаночка, нам на мостик, как обычно…

Минут через десять открылась дверь, и на мостик вплыла Жаночка — из Макеевки, аккуратная, вся накудрявленная, в белом кружевном переднике и белом кокошнике. Она несла поднос с бутылкой водки и бутербродами с сервелатом и чёрной икрой.

Водка в семь утра — хорошее предложение для завтрака. Но такова была традиция, ничего не попишешь.

Лоцман на секунду впал в ступор. Да, наша Жаночка умела удивлять моряков. А мы умели встречать людей — особенно иностранцев. Они казались почти полубогами: в хорошей одежде и обуви, с непростыми, порой надменными лицами.

Будто знали какую-то тайну и хранили её под семью печатями — тайну, недоступную нам, простым. Может, просто презирали нас — страну, судно, красный флаг на мачте и наше раболепное идолопоклонство перед всем иностранным, включая «синие штаны». Но о них — позже.

Капитан заискивающе предложил лоцману выпить и стал разливать по рюмкам. Тот отказывался, всё время повторяя:

— Coffee, only coffee.

Буфетчица налила кофе и подала чашку. Дон поднял рюмку и сказал:

— Переводи тост. Отказываться нельзя. За дружбу наших народов!

Он махнул рюмку. Лоцман улыбнулся, сказал:

— O’key, —

и тоже выпил.

С явным удовольствием ухватил бутерброд с икрой и начал жевать.

— O-o-o… very good! — воскликнул он и взял второй — с чёрной икрой. Колбаса его явно не прельщала.

Пекарь у нас была превосходная — женщина с Украины. Имени её я не запомнил, но такого хлеба не ел больше нигде. Белый, морской, испечённый прямо на борту БМРТ — это было действительно вкусно. И на этот раз я видел, с каким удовольствием лоцман поглощал куски белого хлеба с маслом, с хрустящей корочкой и чёрной икрой — лишнее подтверждение высокого класса нашего пекаря.

У меня от всего этого кошмара свело в животе: завтрака-то не было, а присоединиться нельзя — всё для иностранного гостя. Выпив воды и закурив, я понял, что выживу до обеда.

Несмотря на занятость навигацией и переводом команд, я старался как можно чаще смотреть в бинокль. Старинная гавань Копенгагена и город проплывали совсем близко — можно было рассмотреть всё в деталях.

Тогда ещё не было ни ветряных мельниц в море, ни подводного туннеля между Копенгагеном и Мальме, ни тем более моста через Большой Бельт.

Тогда мы были молодыми и верили в светлое будущее…

Как же всем нам хотелось посмотреть мир, увидеть, как живут люди, посетить новые страны, узреть что-то необычное. Но это было запрещено.

До этого я никогда не был за границей, не считая Монровию. Там мы работали на СРТМК во время моей девятимесячной практики в мореходке и заходили во Фри-Таун на сдачу груза. На берег увольнялись по трое, и один из троих обязательно был старшим — обычно офицер.

Смотреть в городе было особенно нечего. Ходили по магазинчикам недалеко от порта. Денег у меня не было, а купить что-нибудь хотелось. Как-то на траловой палубе старший матрос рассказал, как продал свою электробритву в парикмахерской во Фри-Тауне — правда, за полцены.

Когда я вернулся после смены в каюту, посмотрел на свою бритву «Берцк». До сих пор жалею. Хорошая была, надёжная, работала безотказно. Впрочем, потом я отрастил бороду.

Купил тогда на вырученные деньги две пластиковые майки с картинками на груди и пояс. Одну майку подарил среднему брату, пояс — жене моего дядьки.

На обратном пути за нами увязался какой-то здоровенный негр. Отворачивая лацкан пиджака, он показывал значок и что-то говорил, но мы его не понимали. Старший хотел его послать, но передумал и дал начатую пачку сигарет «Родопи» — тем и успокоил нашего сопровождающего.

— Russ good! — радостно скалился он, сверкая белоснежными зубами.

Лоцмана мы сдали весело. На всякий случай застраховали его поясом, и два здоровенных матроса траловой команды бережно опустили на палубу катера.

На прощание — от доброты душевной или просто потому, что был пьян — он подарил мне ручку с золотой надписью “Denmark Pilot” и чарт-лист — маленькую складную карту от подходов к Дрогдану до выхода из Каттегата.

А ещё сказал:

— Учи английский, если хочешь успехов в профессии.

Я это запомнил навсегда. С тех пор у меня всегда были с собой учебник и словарь. Помогло, однако.

Северное море — Атлантика

Прошли проливы и выскочили в Северное море — благодатный край для любителей рыбалки на удочку. Когда-то наши отцы начинали там на СРТ лов сетями — тяжёлый это был труд. Осень, зима, весна — шторма, видимость ограничена, соль, бочки… Но рыбалка была отменной. Иногда порядки сетей тонули от того, что были забиты сельдью, а иногда их просто теряли.

Когда я был курсантом на практике на СРТМК-7130 «Алгениб», о рыбалке в Северном море мне много рассказывал матрос Иван Ткачук — годы он провёл на сельдяном лове. Невзрачный мужичонка, невысокий, седой, с выцветшими глазами, но весёлыми, с шутливым характером. Может, потому и выжил. Отлично играл на гармошке и пел.

Помню, как курсантом на ночной смене я слушал его рассказы и засыпал на портале, где были уложены тралы, пока шум траловой лебёдки и ваерных роликов не будил меня к очередной выборке.

Лет через десять я случайно столкнулся с Иваном. Увидел его в окне маневрового тепловоза — он был машинистом. Это стало для меня открытием. Ему уже было глубоко за пятьдесят, в море он больше не ходил, а катал вагоны по нашему порту. Вот такие дела. Он помахал мне и постучал левой рукой по плечу, показав большой палец вверх, глядя на мои эполеты старпома. Мол, одобряю, молодец. И тепловоз укатил его дальше по рельсам.

Больше я Ваню не видел. В памяти остался его прокуренный, но красивый голос и украинская песня — о черемшине и о садочке, где девчина ждёт парня.

В этот раз Северное море тоже не порадовало погодой. Крутая короткая волна дубасила в левый борт, словно отбойным молотком. Однако траловая команда продолжала работать на палубе. Время не ждёт, и это понимали все. Они строили орудия лова — тралы.

Командовал ими старший тралмастер Николай Думлятов — мой приятель с первого рейса в Тихий океан. Тогда мы познакомились в вагоне поезда, оказавшись в одном купе, а позже на судне сошлись ближе, играя в шахматы.

Нас было четверо — клуб любителей бани, крепкого чая и шахмат: электрон-инженер, рефмеханик, Коля и я — самый молодой. Я был четвёртым помощником, заканчивал вахту в 20:00, и почти сразу мы собирались в чьей-нибудь каюте: пили чай, играли в шахматы и обсуждали всех и всё.

Жизнь прекрасна. Вспоминаю те вечера — и нет ничего лучше, когда на борту или дома есть надёжные плечи и руки товарищей.

А ещё была баня раз в неделю. И, конечно, всегда находилось что выпить и чем закусить. В основном сахарная самогонка, но по большим праздникам — день рождения или Новый год — кто-то доставал припрятанную бутылку водочки.

А иногда капитан, если он не был ярым поборником трезвости, делился спиртным, полученным в презент от шипчандлера «Совиспан» при приёмке скоропорта. Тогда это был настоящий праздник.

Сейчас понимаю — пойло было дешёвое. Но тогда…

Если вы спросите меня, что было самым вкусным на борту траулера, я отвечу — струганина и «жучки».

Для струганины кто-нибудь выпрашивал на камбузе головку лука. Лук был величайшей ценностью, и не каждый мог его получить. Самая вкусная струганина — из пеламиды. Но в Тихом океане мы ловили ставриду — здоровенную, как лошади. Три штуки в противень для заморозки еле помещались.

Спускались в рыбцех, брали такую «лошадь», замороженную до состояния камня, и строгали острым ножом в миску. Добавляли лук, чёрный перец и ароматное подсолнечное масло

из 250-литровой бочки. Оно пахло так, что невозможно передать — словно море подсолнухов до горизонта, голубое небо и жгучее солнце. Где это всё теперь?

Перемешали — и готова струганина. Холодная водочка, холодная рыба, белый-белый хлеб.

А «жучок» — это уже другая история. Идеально подходит канадский окунь с банки Флемиш-Кап — там я тоже половил немало. Рыбалка интереснейшая.

Берёшь свежайшего окуня прямо из трала, разрезаешь спину, через прорез очищаешь от внутренностей, солишь, перчишь, добавляешь лук и лавровый лист. Заворачиваешь в пергаментную бумагу и кладёшь на выхлопной коллектор главного двигателя. Температура там то, что надо. Через 15–20 минут переворачиваешь, ещё полчаса — и готово.

Когда разворачиваешь и начинаешь есть — лучше ничего нет. Все эти японские роллы и суши в подмётки не годятся нашей рыбацкой струганине или «жучку».

Северное море проскочили неплохо. Ла-Манш и его узкую часть Па-де-Кале прошли без приключений, хотя погода была плохая, а видимость местами меньше мили.

Бискайский залив испытал нас серьёзно. Двое суток работали носом на волну, еле выгребая. Вспоминая БМРТ, хочется сказать пару слов о николаевских судостроителях — хорошие суда они строили. В любых условиях плавания траулер показывал себя отлично. Я был на нём и в Тихом океане, на «ревущих сороковых», и в Северной Атлантике. Простой, без комфорта, но рабочая лошадка — и этим всё сказано.

Спустились южнее, ближе к Мадейре — погоды наладились, люди повеселели. Тральщики трудились, рыбцех настраивал оборудование, крутились транспортерные ленты, проверялись холодильные камеры. Жизнь била ключом.

По вечерам молодёжь занималась спортом на верхнем мостике. Несколько энтузиастов соорудили из шкивов и блоков что-то вроде тренажёра и качались каждый день. После ужина крутили кино — одно из главных развлечений на борту. По выходу из порта всегда были свежие фильмы, а не те, что уже посмотрел три раза.

Однажды утром на моей вахте гидроакустик настраивал эхолот. Всё шло обычно — наконец поймал дно. Но картинка была странной: по картам — свыше трёх тысяч метров, а глубина росла и росла вверх. Когда дошла до 200 метров, я позвонил капитану, не меняя курса.

Дон заскочил на мостик через штурманскую рубку — в синих спортивных штанах с вытянутыми коленями и небесно-голубой майке. Молча уставился в экран самописца. Глубина продолжала уменьшаться. Капитан молчал, только шевелил губами.

Когда прошли отметку 100 метров, Дон позвонил в машину:

— Будем снижать скорость.

На 50 метрах эхолот стабилизировался. Ровный полтинник — как стол. И так двадцать минут полного хода.

Капитан схватил микрофон:

— Траловая палуба!

Ответил старший тралмастер.

— Трал готов испытать?

Секундная пауза.

— Готовы!

— Хорошо ставим, — буркнул Дон и повернулся ко мне: — Запиши координаты входа и выхода.

Позже радист сказал, что капитан передал координаты в базу — а те якобы отправили дальше…

На тридцатой минуте пошёл резкий свал — почти отвесная стена. Я записал расчётную позицию. Чёткого места не было: последняя обсервация — по солнцу вчера, а ночью второй помощник пытался по звёздам, но облака мешали.

Через двадцать минут развернулись на ветер и перешли в кормовую рубку — на постановку трала. Дон радовался как ребёнок, когда кухтыли полетели по слипу и запрыгали среди волн. Народ с интересом наблюдал за первой, незапланированной постановкой.

После закрепления досок развернулись на курс траления и перебежали в носовую рубку. Так был устроен траулер — на постановку и выборку бегали снаружи. Своеобразная зарядка.

Вытравили ваера на горизонт и пошли со скоростью 3,5 узла в обратном направлении относительно нашего курса на карте. Особых показаний не было, заходов тоже. Местами что-то «моросило» в трал, но надежда на рыбу таяла с каждой минутой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.